

УНИКАЛЬНЫЕ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ В ОБРЯДОВОМ КОМПЛЕКСЕ ПРАЗДНИКА ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ В БЕЛАРУСИ

А. В. Лойко-Мичудо,

аспирант учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств»

Наиболее древним традиционным праздником, отмечающимся на территории всей Европы, является праздник летнего солнцестояния, состоящий из множества различных обрядов и ритуалов. В Беларуси он известен под названиями Купалье (-ё), Купало, Купа(-й)ло, Иван Купала / Купальны, Ян, Янава ноч, Купалаў дзень, Иван-вядзьмар, Пукайло / Иван Пукайло, Другі / Ведзьмін Иван, «вядзёмская ноч» [3, с. 14].

Купальскую тематику в своих работах освещали многие отечественные исследователи, среди которых следует назвать докторов филологических наук А. Лиса и Т. Володину, кандидатов филологических наук В. Литвинко и Я. Крука, кандидата искусствоведения Г. Тавлай и др. При этом, несмотря на значительное количество работ, посвященных празднику летнего солнцестояния, информация о нем остается довольно разрозненной. Кроме того, празднование Купалья в Беларуси отличается разнообразием обрядов в зависимости от региона, в котором он проходит. Данные факторы усложняют выявление купальских образов, в той или иной степени получивших свое воплощение в различных видах белорусского искусства. Поэтому с целью обобщения и систематизации различных данных целесообразно представить краткий анализ купальского праздника с точки зрения его обрядовых составляющих, что будет способствовать выделению характерных для него мифологических образов.

Для более точной характеристики Купалья необходимо уточнить дефиницию таких понятий, как «праздник», «обряд» и «ритуал». Согласно утверждению В. Литвинко, праздник является высшим уровнем развития духовной культуры человека. Ритуал представляет собой определенное действие, целью которого является достижение желаемого с помощью защитной, симпатической, вербальной, контактной и других видов магии. Древнее магическое действие на празднике выражалось в виде эстетических средств, основой которых являлись песня, музыка, танец, хоровод, театрализация, карнавализация в сочетании со смеховой культурой. Обряд, в свою очередь, является комплексом действий (ритуалов), с помощью которых магическим путем можно добиться желаемого результата [6, с. 23].

Отечественные исследователи О. Котович и Я. Крук в своей книге «Золотые правила народной культуры» отмечают, что обряд является более широким понятием, в то время как ритуал представляет лишь определенную часть обряда. Они также заявляют, что любой обряд может отличаться довольно сложной структурой и состоять из нескольких частей, каждая из которых наделяется определенной функцией (самодостаточной или взаимозависимой). В связи с этим вышеупомянутые исследователи утверждают, что любой обряд также может быть назван «ритуально-обрядовым, фольклорно-этнографическим и мифо-ритуальным комплексом» [4, с. 11]. Следовательно, можно утверждать, что праздник летнего солнцестояния представляет собой обряд (обрядовый комплекс), содержащий в себе определенное количество ритуалов (действий магического характера). О. Котович и Я. Крук указывают на то, что для проведения обряда необходимы определенные составляющие, такие как время, место, персонажи, ключевые действия, атрибуты, еда, одежда, обрядово-магическое слово, гадания и предсказания о погоде [там же]. Поскольку праздник летнего солнцестояния является обрядовым комплексом, мы кратко охарактеризуем каждый составляющий его элемент, что позволит нам выявить мифологические образы, присутствующие в том или ином обряде (ритуале).

Календарная дата праздника летнего солнцестояния совпадает с астрономическим явлением летнего солнцеворота, который у язычников наделялся особым статусом. С введением христианства его приурочили ко дню Рождества Иоанна Крестителя [5, с. 637].

Выбору *ритуального места* для купальского костра придавалось большое значение. Чаще всего им являлась возвышенность за пределами деревни, в лесу, а также перекресток дорог, мост, берег реки или озера [1, с. 455].

Основными *действующими лицами обряда* являлись жители той местности, на территории которой проходил обряд. Значительную роль играли мифологические персонажи, такие как Купала (Купало), Купалинка, Купалеш. В. Литвинко утверждает, что Купала является очеловеченным образом живого очистительного огня, который в матриархальном обществе воплотился в образе женщины, а Купалинка – ее дочь. Купалеш как сын Купалы представляет собой более позднюю интерпретацию, возникшую под влиянием христианства. Но он уже утратил свою генетическую связь с древним солярным мифом [6, с. 116].

Праздник Купалья состоял из *обрядовых (ритуальных) действий*. Данные действия составляли как подготовительный этап праздника (сбор купальских трав, ягод, цветов; подготовка старых вещей и чучела, ритуалы, связанные с защитой от нечистой силы, вечерний сбор жителей деревни и шествие к месту празднования), так и непосредственно

его ход (возжигание купальского, «живого» огня; уничтожение старых вещей и чучела, игры и гадания, поиск цветка папоротника, разгул молодежи, ритуальное купание и наблюдение за игрой солнца). Следует указать на тот факт, что в период празднования Купалья существовало большое количество защитных действий от негативного влияния нечистой силы [2, с. 84]: ведьм или русалок, отбирающих у коров молоко или влияющих на человека с помощью залома.

Следует отметить, что предметы, проходя через обрядовое действие, часто приобретали статус *обрядового атрибута*. Так, к обрядовым атрибутам, приготовленным специально, Я. Крук и О. Котович относят купальский костер [4, с. 16–17]. В качестве обрядового атрибута следует также рассматривать купальское чучело, которое подлежало обязательному уничтожению, что могло символизировать уничтожение ведьмы, Смерти или божества [там же, с. 679–681]. Чучело в разных районах носило разные имена: Купала, Мара, Баба-Яга, Русалка, Ведьма [3, с. 253]. Обязательным атрибутом Купалья являлся венок, используемый не только для гадания, но и в защитных целях как оберег. Здесь следует оговорить, что для купальских венков использовались не только цветы, но и ветки деревьев: березы, клена, дуба, ели. Так, на Витебщине девушки украшали венками лодки, на которых молодежь каталась во время праздника. Во многих деревнях венками из папоротника украшали общие колодцы [там же, с. 249–251].

В роли *обрядовой еды* на купальском празднике чаще всего выступали яичница, вареники и кулага [2, с. 84]. На Витебщине (Верхнедвинский р-н) молодежь собирала лекарственную траву «купальню» и раздавала всем жителям деревни, получая за это сыр, который приносили на праздничный ужин [3, с. 251–252].

Рассматривая *обрядовую одежду*, необходимо обратить внимание на то, что ее цвет, орнамент, наличие или отсутствие украшений несли в себе основную идею того или иного обряда. Так, описывая наряды «купальщиц», – «войники» из ткани обязательно голубого (небесного) цвета и разукрашенные зеленью чулки и подвязки, – доктор искусствоведения Ю. Чурко утверждает, что они несли в себе отголоски древней космогонической славянской мифологии [7, с. 64]. К обрядовой Я. Крук и О. Котович также относят одежду, способную перевоплощать человека в того или иного мифологического персонаж: русалку, черта, ведьму, лешего и др. [4, с. 23].

Обрядовое слово занимает важное место в структуре купальского праздника. Главную роль Я. Крук и О. Котович отводят обрядовой песне, не отрицая при этом важности обрядовой сказки, заговора, притчи, заклинания, пословицы и др. [там же]. Девушки и женщины исполняли обрядовые купальские песни и использовали заговоры еще на под-

готовительном этапе, в момент сбора трав и цветов [3, с. 249]. В связи с активизацией нечистой силы в период купальского праздника исполнялись специальные песни-обереги, носившие характер заговоров [2, с. 84].

Важной составляющей купальского обряда было *гадание* на будущее замужество. Наиболее распространенным способом было гадание на венках, которые девушки бросали в воду. В зависимости от того, что происходило с венками, определяли место и время своего замужества, счастливой жизни или же смерти [3, с. 257–258].

Итак, рассмотрев обрядовый комплекс праздника летнего солнцестояния в Беларуси, мы выделили две группы образов: уникальные и универсальные.

Уникальные образы характерны только для данного праздника, они не используются в структуре других обрядов. Образы данной группы разделяют на мифические, мифологизированные и образы-атрибуты. К *мифологическим* относят образ Купалы (Купало) и Купалинки, цветка папоротника и связанный с ним образ Купальского Дедка, который присутствует в мифологических сюжетах о поиске данного растения [8, с. 114]. К *мифологизированным* купальским образам причисляют образ купальских трав (подорожник, иван-да-марья). В виде *образов-атрибутов* выступают образ венка, купальского «живого» огня и горящего колеса.

Универсальные образы встречаются во многих других календарных обрядах и не привязаны непосредственно к празднику летнего солнцестояния. К данной группе относят образы таких мифологических персонажей, как русалка, ведьма, черт, леший, а также уничтожаемое чучело как образ-атрибут праздника.

Данные образы, выделенные нами во время анализа праздника летнего солнцестояния в Беларуси с точки зрения его обрядовых составляющих, в дальнейшем обеспечат более глубокую и емкую интерпретацию купальских образов в различных видах белорусского искусства.

1. Беларусь : у 13 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы. – Мінск : Беларус. навука, 1995–2012. – Т. 10 : Славянскія этнакультурныя традыцыі / І. У. Чаквін [і інш.]. – 2007. – 514 с. : іл.

2. *Блоцкая, К.* Купальскі абрадавы комплекс беларусаў / К. Блоцкая // Аўтэнтчны фальклор : праблемы захавання, вывучэння, успрымання : (памяці антрапалага Зінаіды Мажэйкі) : зб. навук. прац удзельнікаў IX Міжнар. канф. (Мінск, 24–26 красавіка 2015 г.) / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў [і інш.]. – Мінск, 2015. – С. 84–85.

3. Валодзіна, Т. В. «Ядронае жыта гаспадара кліча...» : каляндарны год у абрадах і звычаях / Т. В. Валодзіна, Т. І. Кухаронак. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – 356 с. : іл.

4. Котович, О. Золотые правила народной культуры / О. Котович, Я. Крук. – 2-е изд. испр. и доп. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2008. – 592 с. : ил.

5. Культура Беларусі : энцыклапедыя : у 6 т. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2010–2016. – Т. 4 / рэдкал. У. Ю. Аляксандраў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2013. – 664 с. : іл.

6. Ліцьвінка, В. Д. Святы і абрады беларусаў / В. Д. Ліцьвінка. – 2-е выд. – Мінск : Беларусь, 1998. – 190 с. : іл.

7. Чурко, Ю. М. Белорусский хореографический фольклор: традиции и современность / Ю. М. Чурко ; [науч. ред. С. В. Гутковская]. – Минск : Четыре четверти, 2016. – 385 [1] с., [4] л. ил. : ил., схемы, нотные ил.

8. Шамак, А. А. Міфалогія беларусаў / А. А. Шамак. – Мінск : Інстытут культуры Беларусі, 2013. – 256 с.

СВЯЗЬ МЕЖДУ ТАНЦЕВАЛЬНЫМИ ДВИЖЕНИЯМИ И СОЗДАНИЕМ ОБРАЗА В МЮЗИКЛАХ

Лю Шуай,

*соискатель ученой степени кандидата наук учреждения образования
«Белорусский государственный университет культуры и искусств»*

Танец – это язык тела, который усиливает глубину образа и эмоциональное выражение в мюзиклах. Хорошие танцевальные элементы чаще даже более убедительны, чем монологи. Танец в мюзикле сам по себе является формой искусства, которая содержит эмоции, включая стиль танца, его формирование, центральную идею и многие другие элементы. Формирование танца в мюзикле всегда создает конкретный смысл картины в соответствии с сюжетом, тем самым прямо или косвенно выражая смысл танца. Сочетание танцевальных движений обычно указывает на общий стиль и создает танец, который соответствует характеру и сюжетной линии персонажа. Стиль танца должен соответствовать характеристикам эпохи мюзикла, его региональным особенностям и т. д. Использование танцевальных движений необходимо для выражения центральной идеи, для управления душевными движениями людей. Использование танцевальных элементов также может сделать исполнение мюзиклов более красочным.

Танцевальные движения мюзиклов можно разделить на две категории: лирические и повествовательные [1, с. 90]. Эффекты движений и